

Фото А. Ямаш. Комплект открыток «Полярный — колыбель Северного флота» ©

*Прощайте, скалистые горы,
На подвиг Отчизна зовет!
Мы вышли в открытое море,
В суровый и дальний поход.*

*«Прощайте, скалистые горы»
(сл. Н. Букина, муз. Е. Жарковского)*

◆ Старинные знакомцы еще по инженерной работе в прославленном ракетно-пушечном Конструкторском бюро академика Гусакова, а ныне «ученые мужи» Тулуповского университета Николай Андреянович, доцент с военно-инженерного факультета, и заслуженный профессор-биофизик Игорь Васильевич Скородумов* еще с утра созвонились встретиться пополудни на «нейтральной» территории. А иначе нельзя: Игоря Васильевича суровые охранники «пентагона» с режимной пропускной системой не пропустят к приятелю. Обратный визит Николая Андреяновича на биофак осложнен еще более: заслуженность и многостепененность профессора, вкупе с вольнолюбивым характером и сатирическим складом ума, нажили ему массу завистников и доносчиков, каковые качества суть врожденные у профессиональных «преподов». Вот вошел Николай Андреянович к приятелю, тот дверь кабинета на ключ... и не успел гостевую бутылочку коньяка из заветного шкафчика достать, а преподши

* Наши постоянные персонажи, см.: Алексей Яшин. Задушевные беседы об умозамещении (восьмая книга рассказов Николая Андреяновича): Роман-новеллино / Предисл. Л. В. Ханбекова: Академия российской литературы.— М.: «Московский Пarnас», 2017.— 343 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).— В электронной форме см. на сайте www.pz.tula.ru

уже по всем инстанциям называют: дескать, Скородумов опять нарушает «корпоративную этику университета»!

...К дьяволу их всех, лучше в рюмочной «Наливай-ка!» — со столиками, дерматиновыми полукреслицами и даже Тонечкой-официанткой. И еще: рюмочная ближе к середине пути между биофаком и «пентагоном», расположеннымными в крайних пунктах огромного университетского городка,— своего рода демаркационная линия. Поди как удобно и равноправно по пешему ходу для встречи!

— За что по первой, Васильич?

— Понятно — за совсем недавнее столетие комсомола. Будем здоровы!

Нащупывая тему сегодняшней беседы, отметили затянувшуюся до третьей декады ноября холодную осень, затем по русской привычке перешли к высокой политике, в частности, к новейшим веяниям и практике увеличения возраста доступа к табаку, алкоголю и пенсиям... Здесь спохватились, припомнив, что в доме повешенного о веревке не говорят, хотя оба успели еще по прежнему «тарифу» оформить свой пенсион, и наконец-то уловили тему. Николай Андреянович краем уха расслышал, как за соседним столиком молодые доценты с располагавшейся почти напротив «Наливайки» в довоенной еще постройки учебного корпуса кафедры автомобилей и автомобильного хозяйства, что-то свое отмечающие, так и сыпят названиями импортных марок. Явно по стариинному нашему принципу: на работе о бабах, после работы — о ней самой. Слова «додж» и «студебеккер» по запутанным законам психологии мышления человека вызвали у Николая Андреяновича, крайне далекого от увлечения автомобилями и частнособственнического инстинкта, странную ассоциативную связь.

— А знаешь, Васильич, ведь в следующем, уже не столь далеком, году некруглая, но знаменательная историческая дата: стопятилетие начала практики ленд-лиза в мировых войнах. И в обоих она напрямую коснулась России, а потом СССР...

— С Великой Отечественной все понятно. Из школьной истории помним, да от отцов наших — ветеранов войны при их жизни слышали: свиная тушенка «второй фронт», кстати говоря, аргентинская, а не американская, грузовики «доджи», орудийные тягачи «студебеккеры», обилие вертикальных открытых джипов «виллис», ну-у, английские самолеты «аэрокобра». Но насчет Первой мировой, она же Империалистическая, как-то не на слуху особо...

— Во-во, именно не на слуху. Что ж поделаешь, и у нашего советского, замечательного в основе, образования имелись досадные изъяны. Особенно в историческом плане, ибо история есть идеологическая дисциплина. Как сейчас Европа, особенно бывшие наши «братушки» по соцлагерю, начисто стирает у своих сограждан память о разгроме Советским Союзом Третьего рейха с его союзниками и сателлитами — в основном, теми же «братушками», но тогда еще не нашими, а гитлеровскими, так и в СССР гнобили «империалистическую», только и поминая ее как движитель предреволюционной ситуации.

— Но в общем-то правильно ее советская история оценивала. У России с кайзеровской Германией, тем более с Австро-Венгрией, накануне первой мировой бойни никаких взаимных притязаний не имелось. *Drang nach Osten* у немчуры еще умный Бисмарк, создатель империи, пресек, завещав никогда не воевать с русскими. В ту же Россию излишek германского населения еще со времен царицы Екатерины мирно перетекал квалифицированными, трудолюбивыми новыми подданными. К обоюдному интересу России и Германии. Опять же империя кайзера Вильгельма Второго сумела отхватить свою запоздалую долю африканских колоний; они также требовали обустройства и достаточного числа немецкого населения. То есть правильно, не в бровь, но в глаз, в советских учебниках истории без обиняков писали: Антанта «втемную», говоря современным приблаженным языком, использовала Россию в качестве пушечного мяса, в смертельной схватке сойдясь с молодым германским им-

периалистическим хищником. Такому вовлечению России в мировую войну, совершенно ей ненужную, способствовали первоочередно факторы: абсолютная глупость царя и его окружения, опыт всемирной интригантки-«англичанки» и капкан, в который Россию защелкнули долгами французскому Ротшильду, спровоцировав русско-японскую войну. Извини, дружище, что прописные истины напоминаю...

— Напротив, герр профессор, кратко и аргументировано для зачина. Ведь и СССР во Вторую мировую втащила та же «англичанка» с подчиненной ей Антантой, но в другом обличье: вместо упавшей на колени перед фюрером Франции — мощная Америка. Сталин до последней минуты противился такому втягиванию. Понимая, что мудрого Вождя никаким боком не взять на жертвенные вилы, «англичанка» пошла другим путем: подтолкнула в чем-то тоже умного, но в сущности неврастеника фюрера к войне... и заодно к своей могиле.

— Так как с ленд-лизом в Первую мировую, а, Андреяныч? Давай ближе к теме, водка-то стынет!

♦ — Я так полагаю, дорогой мой профессор, что поставки в Россию Антантой в первую войну, а во вторую американцами, отчасти Англией с ее доминионами, стратегических материалов и продовольствия, того же «второго фронта» и сахара, было не неким доброхотством, как наши либералы всех времен верещат, но весьма уменьшной платой за столкновение Российской империи, а потом Советского Союза лбами с немчурой. Не некая «совестливость», которая у империалистов по определению напрочь отсутствует, но сугубо свой интерес: ваши солдаты гибнут в итоге за наши, Антанты, потом США и Англии, интересы. В соответствующих документах о поставках на юридическом языке это и не скрывалось. Как-то в начале двухтысячных попалась мне в руки свежеизданная — в русском переводе — книга «Ленд-лиз — оружие победы» пера Эдварда Стеттиниуса, что являлся во Вторую мировую начальником американского Управления по соблюдению закона о ленд-лизе. Так сказать, «от первого лица». В качестве же приложения — собственно текст так называемого «Большого договора о ленд-лизе» между США и СССР, в котором прямо значится: все поставки имеют целью способствовать безопасности Соединенных Штатов. И никакой лирики и прочих благоглупостей!

В Первую же мировую, насколько знаю, сам термин «ленд-лиз» еще не употреблялся, но суть поставок России все та же: отвлекайте на себя Австро-Венгрию, а на северо-западном участке Восточного фронта и собственно тевтонов, а мы вам из британской метрополии и доминионов, из Америки караванами через Архангельск оружие, боеприпасы, мотоциклы для подразделений «самокатчиков», паровозы и рельсы, стальной прокат. В ту войну, когда кроме западных частей Польши и Прибалтики, собственно на русскую землю нога врага не ступала, продовольствия хватало своего. Впрочем, и всего остального. Вот и в нашем городе стахановскими темпами за год с небольшим построили завод по массовому изготовлению пулеметов «максим», коими и обеспечивали «без дефицита» русскую, а потом и Красную армию до самой Великой Отечественной. Смех и грех: за время «империалистической» для армии русские обувные фабрики поставили... 80 миллионов пар добротных кожаных солдатских сапог! Но до «позиций» даже четверти от них не дошло: новобранцы на остановках эшелонов меняли их на самогон (в стране сухой закон!) и табак. Матерясь, интенданты вновь обували разутых ребятушек-солдатушек, а на следующей станции все повторялось. В итоге к окончанию войны все мужское население России щеголяло в несносимой солдатской обувке.

...Но все же поставки шли, причем взаимные. Из России не только сырье вывозили. Те же противогазы Зелинского для солдат Антанты поставляла Россия, очень быстро прореагировавшая на немецкий иприт и фосген: опять же за кратчайший срок

построили целую сотню (!?) заводов производства химоружия; запасов хватило впоследствии не только Тухачевскому для потравы тамбовских мужиков, но и для вооружения Красной армии... И еще Николка-царь, мол, у нас мужиков много, да бабы еще нарожают, удумал для «поднятия боевого духа» союзников послать им в подмогу две дивизии: одну во Францию, другую на Балканы, на тамошний фронт против австрийцев и турок в помощь грекам. Здесь, Васильич, и я по родственной линии оказался причастен: дед мой Андрей Третьяков по материнской линии, из архангельских крестьян, призвался в «французскую» дивизию, угодившую под самую верденскую мясорубку. Контуженного и травленного газами доставили в Архангельск с караваном судов тогдашнего «ленд-лиза». Всего неполный год и прожил, не дождался рождения моей матери...

— И что, разве только через Архангельск эти взаимные поставки шли?

— Да нет, генералы в императорском генштабе, в отличии от царя с его камарильей и «всемируководящей» царицы-немки Александры Федоровны, отличались сообразительностью, помнили: Белое море замерзающее, поэтому к шестнадцатому году за восемь месяцев проложили через карельскую тайгу и кольские Хибинские горы железную дорогу от Петрограда до одновременно с этим обустроенного города-порта Романов-на-Мурмане, ныне Мурманска. Из коих мест с незамерзающими по причине Гольфстрима Баренцевым морем, как тебе известно, твой покорный слуга родом и заполярным военно-морским воспитанием.

— Как менее чем за год? Это же почти полторы тысячи километров, да по тайге, по горам, а между Петрозаводском и столицей империи — сплошь озерный край! Географию школьную хорошо помню.

— Я же говорю: наш славный Стаханов не первым в русской истории одиннадцать норм за смену выдавал... Что бы не говорили — впрочем, при разных властях разное — об отсталой России, ее якобы полной неготовности к войне, но ведь кроме, мягко говоря, недальновидного царя с немкой-царицей, туповатыми великими князьями, всякой придворной распутинциной имелся работающий генштаб и очень расторопное управление тыла! Причем, если Брусилову, в определенном смысле повторившему суворовский переход через Альпы — здесь Карпаты, — так и не дали разить успех прорыва и занять Венгерскую равнину, как и Суворову союзники-австрийки воспрепятствовали с барабанным боем проследовать на Париж, то интенданство и управление тыла все порученное ему в войну выполнило в самые ограниченные сроки...

♦ — Перебью, Андреяныч. В памяти из школьной истории: вроде как строительство мурманской дороги связано с единственным за всю «империалистическую» восстанием в Российской Средней Азии?

— Память тебя, Васильич, не обманывает. Поскольку «чугунку» к Кольскому заливу требовалось проложить в кратчайшие сроки, то работы велись не последовательно «верста за верстой», а сразу по всей означенной геодезистами трассе. Требовалась целая трудармия, а собственно в России свободных рук не оставалось: кто в окопах, а другие за плугом, у станков и так далее. Тогда-то впервые появился военный стройбат, тем более, что этих-то рук имелось предостаточно на национальных окраинах. По законам империи призыву на любую воинскую службу не подлежали подданные мусульманского вероисповедания, не очень-то давно вошедшие в состав России. Только татары и башкиры, уже за четыре сотни лет живущие вместе с русскими, такой привилегии не имели: вспомни «Поединок» Куприна. Поэтому-то желавших воевать из кавказских мусульман брали в армию только добровольцами — вошедшая в историю «Дикая дивизия» под командованием великого князя Михаила, брата царя...

— А вот это я прекрасно знаю: в отличии от тебя, Андреяныч, я в детстве застал своего деда, солдата-оконника на румынском фронте... в смысле, что Румыния в вой-

ну на стороне Антанты вступила, да тотчас под натиском мадьярских гусар покатилась к Бухаресту. Пришлось русским дивизиям их фронт держать. Вот дед и рассказывал: влетает в окопы взводный поручик и командует: «Все озерь, пригнись! Сейчас казаки и «дикари» в прорыв пойдут!» Прилегли мы, Игореха, смотрим со сна окопа в небушко, а тут через нас орда перескакивает: донцы с генеральскими лампами на шаровалах, с пиками, с матом почище матросского, а за ними «дикари», кто в черкесках, кто в халатах полосатых — с визгом, гортанными воплями, шашками кричевыми машут. А мы вслед им, промчавшимся, выглядываем из окопов: на что уж мадьярские конники мужики стойкие, но и они перед ордой хвостами лошадиными замахали. Извиняюсь, Андреяныч, перебил тебя, продолжай, пожалуйста.

— Словом, велели из Петрограда туркестанскому воинскому начальству забрить в стройбат и отправить на «мурманку» за два десятка тысяч киргиз-кайсаков и других племен среднеазиатских, кто наиболее приспособлен к землекопным и строительным работам. Отсюда и тот единственный за всю войну бунт. Самое паскудное, историки склоняются к тому, что восстание-то инспирировала ... все та же «англичанка»? Значит, одной рукой помочь России, а другой — извечное ей противодействие в Средней Азии, как преддверию к «жемчужине британской короны». Помнила крепко «англичанку», как император Павел ее напугал, двинув на Индию сорок тысяч казаков с песней: «Индея, Индея, голубая Индея, будешь нашей Индея!» — за что и принял в дворцовом перевороте, организованном Англией исподволь, свою преждевременную кончину Павел Петрович...

...Восстание быстро подавили, а мурманскую дорогу в отведенный срок построили. В планах значилась и ветка ее до моей исторической родины Полярного, тогда Александровска, основанного в последний год девятнадцатого века в качестве главной базы Флотилии Ледовитого океана с флагманом — героическим «Варягом», выкупленным царем у японцев, но революция имела много других забот.

Таким вот был первый ленд-лиз, Васильич: северный, мурманско-архангельский. Сравнительно безопасный: немцы тогда не имели баз в норвежских фиордах и гигантского подводного флота* Третьего рейха, не говоря уже об авиации.

— Про второй, уже с этим именем, ленд-лиз, Андреяныч, можно и не говорить. Ведь мы с тобой на свет этот появились, застав еще Иосифа Виссарионовича. Так что даже в сознательной жизни, не говоря о детстве — отрочество — юности, были окружены сплошь ветеранами войны, которые восполняли в своих воспоминаниях, так сказать, «политкорректность» и идеологический, впрочем, верный, «уклон» нашего школьного и иного образования. Как помнишь, официально признанной полагалась цифра в четыре процента, как вклад ленд-лизовских поставок в общее военно-промышленное, сельскохозяйственное и всякое иное производство Советского Союза за годы Великой Отечественной. Но и это вовсе не умаляет вклад союзников, учитывая грандиозность затрат, поддержание и неуклонный рост нашего потенциала к окончанию войны. В архилиберальные и оголтело антисоветские «лихие девяностые», подмахивая, выражаясь по-солженицынски, Западу, наши «историки»-пиарщики эти четыре процента раздули аж за сто! Хотя и математик по одному из своих образований, но как-то не в силах сообразить. И общий их вывод в подметных «исторических сочинениях»: без ленд-лиза Советский Союз даже не то чтобы выиграл войну, но фюрер лично промаршировал по Красной площади в строгом соответствии с почасовым расписанием в плане Барбароссы... Даже, сукины дети, поленились даты заучить: в первый, самый трудный год войны ленд-лиз только начал набирать обороты, так что страна обходилась сугубо собственными ресурсами.

* За годы Второй мировой войны с германских стапелей была спущена тысяча (!) подлодок, а к окончанию ее в Европе и вовсе каждые сутки вступала в строй новая *U-bote*, по оценке военных специалистов — лучшая подлодка того времени...

Нынешние же военные историки, приноровившись к иным указаниям власти, тотчас внесли поправку в свои размышления о ленд-лизе, не менее четырех процентов вклада и не более восьми-десети. Кстати, упомянутый тобою Стеттиниус с чисто американских позиций какой цифры придерживается?

— Да почти такой же, умеренной.

— Ну и ладненько, как говорится, вашим и нашим. Но если в Первую мировую взаимные поставки велись только морским путем через Архангельск, а с шестнадцатого года и через Мурманск, то в Великую Отечественную, как сам прекрасно знаешь, по трем путям: двум морским, северным и тихоокеанским, и сухопутным — из Персидского залива железной дорогой через Иран, оккупированный еще в сороковом году советскими и британскими войсками. Последний, как полагаю, самый безопасный. Поэтому все габаритные грузы, те же паровозы, «доджи», «студебеккеры» и «виллисы», напрямую катились по персидской пустыне до рокадной железной дороги уже на советской территории, кстати, построенной из уже готовых плетей рельсов со шпалами, снятыми с первого сталинского БАМ'а... А далее по Турксибу и через Каспий по назначению.

— Васильич, но самым оптимальным, говоря языком *твоей* математики, путем был тихоокеанский. Не зря же, как утверждают нынешние, внезапно поумневшие, военные историки, именно через него половина всех поставок была осуществлена. Вторую же половину поделили равно Север и Иран...

— Одного не возьму в толк: а Япония с ее «вооруженным нейтралитетом», а ихние тогда Курилы, закупорившие вход в Охотское море? Ладно истребители по воздуху из аляскинского Анкориджа на Чукотку перегоняли. Через Петропавловск-Камчатку «переваливали» на другой берег и уже в наше Охотское море... Как говорится, на перекладных и половина всего огромного по объему ленд-лиза? Что-то здесь не так.

— Так тихоокеанский путь начался во все увеличивающемся масштабе после Перл-Харбора, с сорок второго года, когда уже не в советском генштабе утро начиналось в ожидании сообщения о нападении самураев на СССР, но япошки своим синтоистским божкам в душе молились, чтобы русский сосед воевал бы себе с Германией, а о них до поры до времени забыл, прекрасно понимая: Япония не та страна, чтобы вести войну на два фронта, да еще Китай с мощью генералиссимуса Чан Кайши и северной армией Мао Цзе Дуна... Потому и терпели прямые рейсы ленд-лизовских «либерти», правда, под советским флагом, по линии Сиэтл — Владивосток. Деваться-то некуда!

Но самым коротким, в то же время сверхопасным, был северный путь. И здесь мне есть что рассказать...

— Конечно, расскажешь. Я уже предвкушаю почти что от «очевидца» услышать!

— Напрасно иронизируешь, Васильич. Я как раз и есть очевидец... только не самого ленд-лиза, но его прямых *отголосков*.

♦ Заканчивалась последняя предшкольная, вольная весна Николки, маленького жителя маячного островка Седловатый*, что приткнулся к левому берегу Кольского залива почти на выходе его в Баренцево море, между губами Оленья и Сайда. Тож левобережными. На северной оконечности Седловатого высилось огромное, как иной цех завода, что Николка наблюдал из окна вагона, когда семья летом ездила в отпуск в «среднюю полосу», как это называли взрослые, здание маяка: с башней ревущей в зимние туманы «сирены», с колокольней могучего «рубинового» прожектора, всю долгую полярную ночь в неторопком вращении высвечивающим залив, оба его берега, идущие военные, торговые и рыболовные корабли и суда. В перерывах между

* О жизни дошкольника Николки см. книгу: Яшин А. А. Страна холода (Детство в Гипербореях): Повесть / Предисл. Л. В. Ханбекова.— М.: «Московский Парнас», 2009.— 351 с. (Библиотека журнала «Приокские зори»).

пробирающим до коленной дрожи утробным рычанием «сирены» сквозь кирпичные стены машинного зала доносилась стрекотня дизельных установок, каждая высотой в два Николки и многометровой длины.

…В разгар прошлого лета, в день, когда Николка пригрелся на солнце у стены за-мершего почти на три месяца маяка, даже шурясь от отсвечиваемых водной гладью лучей, проходивший мимо по своим делам старший брат Толька остановился, одоб-рительно оглядел младшего, щегольски одетого в серый американский, клетчатый «комплект», то есть в один тон костюм, матерчатые ботинки и кепи — из ленд-лизовских поставок десяти-с-лишнем-летней давности, тоже прищурился, глядя на широкий выхода залива в море, спросил Николку:

— Знаешь, что такое Северный полюс? — И, не дожидаясь ответа от разомлев-шего на июньском солнце братишки, кратко и толково объяснил. — Понял, да? А сейчас вообрази: от места, где мы с тобой стоим, до самой точки этого полюса — через горло, то есть выход, залива в Баренцево море, через него и льды океана — нет ни единого пятна земли!

Посвистывая на известный Николке мотив «хабара я-а-а, бродяга я-а-а», Толька направился к общему маячному жилому дому (их же семья занимала в нижней части острова отдельную избу; как многодетная, о семи душах вместе с родителями). Слова брата-семиклассника, то есть мыслящего здраво, почти наравне со взрослыми мужи-ками, столь крепко засели в голове Николки, что и посейчас, хотя почти год прошел, лишь только стаял снег на северном мыске острова — вниз под сопку со зданием маяка, — частенько подходил к самой воде, благо берег низменный и почти горизон-тально уходил в тихую погоду под набегавшую морскую рябь, останавливался на самом краю, даже чуть замачивая подошвы ботинок, и до рези в глазах всматривался в даль, в линию горизонта, где залив переходил в море.

В эти минуты, порой затягивающиеся до получаса-часа, его совершенно не инте-ресовал неизменный серый эсминец, что дежурил на входе в Кольский залив, утюжа эту, воображаемую Николкой, линию горизонта справа налево, разворот, слева на-право. И военные корабли, гражданские суда, входящие в залив и покидающие его, не задевали интереса Николки. Он все пытался представить себе ту невидимую, тугу натянутую нить, что поверх морской воды и льдов Северного океана, плавно изгиба-ясь над ними, связывает по кратчайшему пути его, Николку, и таинственный Север-ный полюс. И не единого пятака земли, даже единой верхушки выступающей из воды скалы нет на пути этой нити! Уже дома, для подтверждения своих давешних слов, Толька раскрыл нужную страницу школьного географического атласа и каран-дашом, но без нажима, прочертил эту нить-линию от Седловатого, которого, разуме-ется, на карте не было, брат условно обозначил его точкой на самом выходе из Коль-ского залива, каковой и сам в атласе значился тонюсенькой линией,— до отмеченно-го точкой схождения меридианов Северного полюса. «Вот смотри,— пояснял Толь-ка,— прямой путь от нас до полюса проходит как раз между Землей Франца — Ио-сифа справа и Шпицбергеном слева. Он норвегам принадлежит, но на деле там шиши-ку держит наш трест «Арктикуголь», что даже свои деньги, бумажные и монеты, вы-пускает...» Далее старший брат отвлекся на личное: со школьной как завязку, паспорт полу-чи и буду на Шпицберген вербоваться. Рубль там на-а-много длиннее нашего. Опять же там собираются опыт объявления коммунизма проводить*. Это Николке малоинтересным показалось.

* И провели в 70-х годах; почему-то остается малоизвестным фактом, а именно: был реализован ком-мунистический принцип «каждому по потребности». То есть в городе Баренцбурге — столице «Арктику-голя» — в магазинах плату не требовали (хотя не уточнил как с выпивкой и табаком дело было...). Знаю из «первых уст». Главное было, увидев въезжающих в город халевщиков-норвежцев, вовремя закрыть мага-зины «на учет»...

...Уже через пять-десять минут Николкиного всматривания вдоль невидимой тугой линии по курсу «Седловатый — Северный полюс» душу его охватывал восторженный трепет, да такой ощущимый, что щеки пылали, а ноги пониже колен становились как бы ватными, нечувствительными. Хотелось запеть, да так хотелось, что Николка до твердости сжимал губы и приклеивал язык к небу рта. Не потому что петь не умел, но Толька обучал его только хулиганским школьным песенкам. Стеснялся Николка в сторону героического Северного полюса непотребщину всяную произносить.

♦ Вот и сейчас, в окончании своей последней вольной весны Николка стоял у северной стены маячного здания, смотрел по линии «Седловатый — Северный полюс», но мысли все накатывали с грустинкой. Вот съездят летом в отпуск в родную отцову деревню на целых два месяца, вернутся, а через пару недель попутным гидроотдельским катером-«аркашкой» мать отвезет его с Толькой в Полярный в школьный интернат, куда собирают учеников со всех бесшкольных мест севера Кольского полуострова: маяков, удаленных баз подводного флота, военных аэродромов, зенитных батарей, небольших рыбопромысловых поселков, становищ по-здашнему, еще от новгородских времен. ...И на весь учебный год, до следующего лета, если не повезет на каникулы до дома добраться. И дело не в катере, который гидроотдел или иное флотское ведомство безоговорочно выделит. Здесь как высадить маленьких пассажиров? Хорошо живущим на базах и в крохотных гарнизонах, становищах рыбакских — они все в губах расположены, защищены от бушующих волн, а все каникулы, как назло, от осенних до весенних и зимних новогодних посредине, приходятся на обозленные шторма, вязкие и непроглядные туманы, суточные снежные заряды и ветра, ветра... Истинно еще новгородцы об этих местах говорили: от Колы до ада три версты. И на что опытный мореман командир катера РК <номер такой-то> — отсюда и «аркашкой» называют — в честно заслуженном звании главстаршины, но и он, завидев на траверзе кругобокий островок Седловатый, взятый со всех сторон в осаду ревущими, стонущими волнами шторма высокой балльности, посыпает подручного салагу в пассажирский отсек объявить, что на Седловатый высадки не будет. «Побьем катер ни про что...» — ворчит в досаде: сам понимает, каково это ребятам из интерната пройти мимо их дома, наблюдая как с каждой швартовкой катера в тихих губах все меньше и меньше их однокашников остается в отсеке, а в итоге вернуться в Полярный...

— Чего, Николка, размечтался?

Это отец вышел из маячного здания, где в преддверии полярного лета с незаходящим солнцем и полного отсутствия туманов затягивали регламентные работы с многосложным оборудованием свето-звукового маяка, гордости гидроотеля Северного флота — перед всеми другими флотами и флотилиями СССР, где нет ничего подобного*. Вышел же Андреян покурить свою трубку на свежем воздухе. Но сначала протор испачканные при переборке одного из дизелей руки просоляренной ветошью.

— О школе? Об интернате? — Андреян раскурил трубку. И Николка сразу повесел: технический запах из раскрытых дверей маячного здания тотчас вытеснился медовым ароматом «золотого руна», любимого и почти низменного табака отца.— Брось! Год проучишься и попривыкнешь. Опять же защитник у тебя рядом — Толька. А там видно будет, младшие подрастают, тебя догоняют, будем иметь в виду переход ближе к Полярному: на маяк Большого Оленьего острова или опять на Палагубский — там и вовсе на воскресенье домой рукой подать...

Но взбодренного медовым запахом Николку уже иное сейчас занимало:

* И сейчас маяк Седловатого в действии, но только в автоматическом режиме, с питанием от силовых радиоизотопных установок. Причина отсутствия обслуживающего маяк персонала — нет желающих работать и жить в «подобных» условиях...

— Пап, а зачем политотдельский катер с самого утра к нам причаливал? И матрос с него Федорова требовал, потом с ним на палубе какой-то офицер разговаривал?

— А я думал еще спиши. Ишь, разглядел! Это не какой-то, а подполковник Шулейка, замполит гидроотдела, мой крестник, тудыть его, еще по войне, что все в партию вступать звал и продержал за отказы в звании старшины второй статьи, едрен его... Объезжает сегодня все окрестные «точки», призывает к бдительности: завтра прямо перед нами, как в театре, между Зеленым и Торосом — отец ткнул рукой с дымящейся трубкой в сторону островов на северо-западе, где Кольский залив имел впадину в материк перед полуостровами Средний и Рыбачий — спектакль нам покажут: будут топить ленд-лизовские американские фанерные торпедные катера. Завтра с утра все сам и посмотришь. Ладно, мне пора к дизелю.

◆ О ленд-лизе Николка, впрочем, не зная даже приблизительно перевод этих слов на русский язык, слышал от отца достаточно. Особенно во время отпускных поездок семьи в родную деревню Андреяна, где тот отдыхал от десятимесячного «сухого закона», принятого на маяках и вообще во «владениях» Северного флота*, рассказывая в сельской чайной — с подачей водки — об особенностях службы в войну и нынешней мирной жизни в Заполярье. Взятый отцом с собой Николка пил без ограничения лимонад и прислушивался к рассказам Андреяна, в «сухой» маячной жизни сугубого молчуна, в свободное от маячных вахт и мужицких домашних дел время — охотник и читатель толстых книг.

Рассказать же Андреяну было чего: почти всю войну, исключая два раза по месяцу в госпитале Полярного и полгода в сорок пятом службы в Мурманске, провел он старшиной команды поста службы наблюдения и связи, СНИС'а по-флотски, на острове Торосе — на входе в Кольский залив из Баренцева моря. В том же помещении поста располагалась и команда из числа союзников, в которой состояли англичане, американцы, даже канадец и новозеландский матрос. Кто-то из них всегда стоял с биноклем на наблюдательном мостику рядом с Андреяном или кем-то из его команды, когда по заливу проходили суда «либерти» ленд-лизовских караванов. Уже через полгода совместной службы обе команды научились сносно общаться на языке, несколько похожем на английский...

Был случай: в сильнейший позднеапрельский туман командующий Северным флотом адмирал Головко позвонил из Полярного на пост и самолично приказал Андреяну — «как хочешь и сумеешь, но разыщи мне английский крейсер «Эдинбург», который вроде как у *твоего* Тороса замер в тумане», а тот взял да и простоял весь недлинный световой день на мостику с биноклем и в случайному «разрыве» тумана, густого как овсяный кисель, уловил-таки профиль крейсера.** В открытую никто не говорил, конечно, но слухи на флоте не хуже как в деревне разлетаются: ведь вокруг только свои люди! Словом, всем было известно, что на «Эдинбурге» от мурманского причала вывозят в Англию большую партию золота — расплата за вроде как «бесплатный» во время военных действий ленд-лиз...

«Эдинбург» с золотом все же не дошел до своего Скапа-Флоу***, немцы потопили — за пределами зоны ответственности советского флота, но Андреян успел получить за его обнаружение в Кольском заливе «За боевые заслуги», а сдружившийся с ним Джеймс Лэнг, переводчик из команды союзников на Торосе, и вовсе по своей линии, согласовав с кем следует, послал в Лондон представление Андреяна на орден

* Отменили лишь в 1966 году.

** Подробно история с «Эдинбургом» изложена в нашем рассказе «Серебряная ложка»; его легко найти (по поисковику) в Интернете — рассказ опубликован в нескольких литературных журналах.

*** Главная база (Англия) Флота метрополии — *Home Fleet*; во Вторую мировую войну этим флотом командовали адмиралы Товей, Фрейзер, Хамильтон.

Георга. Но какие ордена за крейсер, который потопили? По другой, «слуховой» версии орден Георга все же «пришел», но «затерялся в штабах».

«Главное ведь не награда, но твое, Джеймс, дружеское внимание», — успокаивал Андреян огорченного союзника.

...Когда же внимательно слушающие Андреяна (кто козыряет «длинной» заполярной сторублевкой, тому внимают!) в чайной деревенские мужики, сами вволю повоевавшие в пехоте, переводили разговор с личных заслуг и обид североморца на сами поставки ленд-лизовские, то Андреян почему-то, вскользь упомянув о разгрузке в мурманском порту американских танков, английских зениток, тяжелых пулеметов «кольт», прорве ящиков с «вторым фронтом», перекачке по шлангам из танкеров в железнодорожные цистерны тысяч кубов канадского льняного масла*, переходил на наиболее поразившее его воображение во время службы в Мурманске: «хеопсовы пирамиды», по его словам, сеток с какао-бобами. И далее пояснял, что этот груз на судах конвоев ленд-лиза исполнял двойную роль. Во-первых, как сырье (Андреян до войны учился в молочном техникуме, потому говорил со знанием дела) для шоколадной промышленности, а шоколад, как сами воевавшие знаете, — наипервейший сухпаек, особенно для летунов и танкистов. Во-вторых же и в главных, полагая, что бобы эти англичанам с их колониями в Африке ничего не стоили, — все суда «либерти» шлиuvwешанные по бортам и надстройкам, на палубах тож навалено, сетками с ними. Попадет авиабомба в судно, снаряд из пушки немецкого рейдера или эсминца — гро́зд сеток рассыпется от взрыва, а судно-то цело! Только от торпед подлодок такая «броня» не защитит... А на мурманских причалах после прихода очередного каравана и вырастают «хеопсовы пирамиды». Груз не самый стратегический, потому и вывозят на Большую землю, если в составе железнодорожном образуется паратройка товарных вагонов. «Не баловали нас на фронте шоколадом-то, — возразит иной мужик рассказу Андреяна, — куда же он девался, если такая прорва бобов союзниками доставлялась?» На что Андреян отвечал: да, мол, все наши кондитерские фабрики не в состоянии были перевести эти «хеопсовые пирамиды» в разряд шоколада. Опять же кроме какао требуется сахар и сухое молоко, что в войну тоже на деревьях не росло! Кроме шоколада часть бобов шла на порошок-какао, а остальное?

Здесь в серьезный разговор мужиков влезла буфетчица чайной Агафья, из дальней, как все в одной деревне, родни Андреяна: «Ну ты-то в войну на своем Севере обетовался, а вы, мужики, разве от баб своих не слышали: чем тогда промерзшие дрова в печках растапливали? Вот этими самыми бобами. Они сухие, как порох горят! Как немца в сорок втором отогнали, в сельмаг наш окромя карточного продукта начали и бобы эти завозить: бери сколько хочешь за копейки! Что с ними делать? — Никто объяснить не берется. Пробовали эти кухтыли в порошок долбить и в пойло свиньям и коровам сыпать — так морды те воротят! Вот и приловчились зимой на растопку-то.

...Много чего малец Николка со слов отца и других маячников знал о ленд-лизе, не ведая о сем названии по-русски.

♦ Спазаранку на следующий день Николка, боясь опоздать к началу «спектакля», добежал до маяка — и был первым из зрителей: мужики все на регламентных работах в здании маяка, женщины по домам с малышней и кухонной готовкой. Ребята школьного возраста в Полярном, в интернате. Только через неделю начнутся летние каникулы, привезет их на Седловатый гидроотдельский катер-«каркашка». Жалеть будут, что такое пропустили!

Меж тем у левого берега залива, между островами Зеленым и Торосом уже стоя-

* В те времена на основе льняного масла изготавливали олифу высокостойкой краски для военной техники.

ли вроде как невпопад расставленные ленд-лизовские фанерные торпедные катера. Почему фанерные, а не стальные, как наши послевоенной постройки? — И это со слов отца Николка прекрасно знал: в боевых действиях такой корабль полагается «смертником», от силы две-три атаки переживет. Его задача — на тихом ходу, маскируясь выступами береговых мысов, подкрасться как можно ближе к вражескому кораблю, затем на курьерской скорости выйти на цель и выпустить в нее обе торпеды, что по бортам на палубе в пусковых установках-трубах находятся. Затем лихой разворот и... помогай морской бог! — успеть скрыться от снарядов пушек торпедированного, особенно если не попал, немецкого корабля. Единственная защита — это скорость и закрывающий — для противника — катер высокий бурун из-под винта. А от авиации — крупнокалиберный зенитный пулемет поверх рубки. Все одно стальной корпус слабо поможет в неравной схватке, поэтому практичные американцы и клепали сотнями торпедные ленд-лизовские катера из толстой, многослойной фанеры с пропиткой.

...Утренний прилив закончился, поэтому приговоренные катера без единой живой души на их бортах стояли на воде недвижимы, без сноса в какую-либо, северную или южную, сторону. Тем более, погода безветренная, поверхность залива зеркальная.

Уже когда действие началось и мужики вышли для любопытства из здания маяка, Федоров, как он сам оговорился, «выдал военную тайну», в свою очередь, услышанную им от потерявшего от счастья (накануне пришел приказ о производстве в «черношинельные», политотдельские полковники!) бдительность Шулейки: катера всю ночь, уже почти светлую заполярную, выводили буксирами на расстрельный рейд со снятыми на полярниковском военно-судоремонтном заводе СРЗ-6 двигателями.— В хозяйстве все пригодится! Сталин приучил с пользой для страны на всем экономить. Еще начальник маяка Федоров пояснил — уже без всякой тайны,— по-маршальски плавно обведя рукой правый берег и выход в море Кольского залива, что сегодня «до окончания стрельбы по плавучим мишеням» (явно со слов Шулейки!) гражданское судоходство приостановлено, то есть из Мурманска отплытие придерживается, а извне, с моря, суда приостановлены, в дрейфе лежат. Как понял Николка из разговора маячников, сделано это не из-за какой-либо секретности, наоборот (опять же Шулейка Федорову сказал), американские и английские наблюдатели специально привезены... мол, без дураков, всерьез топить станем, но чтобы невзначай не повредить проходящее торговое или рыболовное судно.

Сложнее Николка, которому только-только исполнилось семь лет, было понять все из тех же разговоров маячных мужиков под отдаленный грохот «морского боя»: по какой причине топят хотя и фанерные, но ведь доселе бывшие на ходу, торпедные катера? Это значит, что такое же число катеров, уже стальных, нужно будет дополнительно построить для советского флота? Получалось же из услышанного Николкой, что по ленд-лизовскому договору между нашей страной и союзниками, прежде всего американцами, какая-то часть поставок военного времени оплачивалась нами — отсюда и английский крейсер «Эдинбург» с советским золотом, оружие же всех видов — от стрелкового до самолетов и кораблей,— если оно приведено в полную негодность, уничтожено во время войны — как говорится, за счет союзников. Но все, что из поставленного союзниками, причем не только вооружения, осталось в целостности, или еще не использовано, после окончания войны — для Советского Союза этот срок продлевался до капитуляции самураев,— подлежало оплате, хотя и неполной. Понятно, платить по счетам — не в долг брать, дело неохотное. Вот и рачительный хозяин страны Сталин, а за ним хотя и нарочито дураковатый, но похвлашки прижимистый Никита расплачиваться с американцами не торопились.*

* Насколько автору помнится из шумливой прессы «лихих девяностых», окончательный долг СССР за ленд-лизовские поставки был все же выплачен в те достославные годы, когда Россию новые ее власти продавали оптом и в розницу; как же священный долг Старшему Брату не возвратить?!

К середине пятидесятых годов, в самый разгар «холодной войны», наши власти сделали очень мудрый шаг. Поскольку поставленная в войну союзниками техника уже устарела, а советский военпром, разогнанный до курьерской скорости Сталиным, выдавал на гора все новые и новые образцы «изделий», то надобность в ленд-лизовском оружии отпала. И решено было ее уничтожить. Дескать, господа натовцы, и вашим и нашим: для вас — всегда радующее сердце <якобы> снижение боевого оснащения Советской армии, для нас — не платить на основании: а за что платить? За металлом? Так самовывозом и забирайте его себе!

...Примерно в таком смысле, «переведенном» в точные словоопределения значительно позже уже старшим школьником Николаем, и понял герой нашего повествования причину расстрела на рейде фанерных американских «торпедников».

♦ Как то свойственно для неустойчивой погоды тех мест на черте весны и лета, на другой день штиль на море сменился коротким по времени, но ощутимым штормом. А здесь и катер гидроотдельский доставил из Полярного седловатовских школьников. Николке завидовали, как очевидцу-наблюдателю образцово-показательного потопления американских катеров, о котором в городе только слышали от одноклассников из семей флотских офицеров. Зато все более или менее пологие берега Седловатого, особенно в отлив, заваленные в шторм деревянными останками разбитых в щепу катеров, одинаково доступны для героя дня Николки и отсутствовавших в оный день на острове ребят-школьников. Впрочем, ничего интересного для их интереса не попадалось. Только Витьке Федорову (на то и сын начальника маяка!) повезло: завладел обломком приборной панели с непонятного назначения стрелочным прибором-индикатором.

...Уже овладевая начатками грамотности в первом классе полярнинской школы, Николка слушал в интернате баухальство Вовки с маяка мыса Лодейного, что севернее острова Тороса, якобы нашедшего после того шторма на отмели оранжевой окраски спасательный жилет с латунной биркой *U.S.Navy*, то есть «Флот Соединенных Штатов». Мало Николка ему поверил: вряд ли такую полезную в флотском хозяйстве вещь могли просмотреть «раскулачивавшие» катера перед выводом на потопление интенданты! Но с другой стороны... откуда второкласснику с Лодейного маяка знать как выглядят американские спасжилеты и начертание букв английской надписи? Темное дело, решил Николка и далее оставил все ненужные размышления на этот счет.

В ночь за потоплением ленд-лизовских торпедных катеров Николке приснился яркий — по обилию самых мелких деталей шутейного сражения — сон, который далее несколько раз повторялся. Понятно, во сне том дневные впечатления приукрасились всякими додумками, на которые горазд мозг спящего человека, впечатлительно-го пацаненка тем более, но в общем-то все соответствовало картине происшедшего, на просмотре которой Николка и маячники Седловатого, как в зрительном зале, сидели на первом ряду.

Не только в снах, но и наяву воображение повторяло в голове Николки то погибельное для безлюдных американских катеров нарочитое сражение. Случалось это в часы мучительной тоски по родному дому, по крохотному островку Седловатому школьника-интернатовца. Пока к окончанию Николкой шестого класса семья-таки перебралась в Полярный.

Видение же наяву означалось следующим образом. Узнав от интернатовских однокашников, что весь вид на выход из Кольского залива — чему в городе мешал остров Екатерининский, наглухо закрывавший для взора север,— можно получить только взобравшись на самую высокую сопку, слева отделявшую собственно Полярный с Екатерининской гаванью от губы Пала, на берегу которой располагался СРЗ-6 с его доками, цехами, кранами. Сложно, а по мнению взрослых и совершенно опасно

для младшего школьника, было Николке взобраться бездорожно, но зато по затвердевшему в феврале от нескончаемых ветров с морской солоноватой влажностью снежному насту на стопятидесятиметровой высоты сопку. С вершины же ее в тихую погоду, в свете уже поднимающегося после темени полярной ночи над горизонтом, хотя и невысоко, кирпично-красного солнца и открывался этот волнующий душу Николки вид.

Как с любой высоты все лежащие внизу «под ногами» смотрится плоским и с увеличением дальности взора уходящим как бы ввысь, так и перед Николкой за Екатерининским островом, как закопченое зеркало, иссиня-темная водная гладь поднималась все выше и выше, пока он переводил глаза от укутанного в сплошной снег Екатерининского, за ним и впритык острова Большой Олений, на маяк которого их семья вскоре переедет, далее на выход из губы Оленьей... а вот и Седловатый! — Как маленький крутобокий пирожок, щедро присыпанный сахарной пудрой, что одиноко лежит на столе, покрытом темно-синей клеенкой. И клеенка есть такая, и выпеченные матерью пирожки с пудрой... Но все это дома, на Седловатом, где мать, отец с бородой лопатой, пропахшей медовым табаком «золотое руно», двое младших братьев, еще не удостоенных звания школьников... Слезы навернулись на глаза — верно мать говорит: тоска хоть плачь.

Комки к горлу подступают. Чтобы в пугающем одиночестве на вершине заснеженной сопки не разреветься, Николка уже заученно оторвался от вида Седловатого и перевел взор выше, севернее, мористее, как это называла мать на своем поморском архангельском наречии, на водную пустошь между островами Зеленым и Торосом. Снова сделав над собою усилие, отгонял тоску по дому, представил себя в первом ряду всплывшей наяву картины сражения вооруженных кораблей с обреченными, безоружными. Уже в который, почти что бесконечный, раз прокручивал Николка в себе и для себя, для своей тоскующей по дому души, эту великолепную *картину*, уже ставшую для него как-то раз просмотренной *кинокартиной*, накрепко и нацело запавшей в память.

...Обреченные и разоруженные, лишенные матросских команд катера расставлены не как попало. Многие штабные каперанги* и командиры эскадр в Полярном** долго совещались и составляли диспозиции военных учений с поражением реальных, хотя бы и не сопротивляющихся, целей — для оттачивания мастерства нанесения ударов в приближенной к боевой обстановке.

Видел Николка своими глазами в тот последний предшкольный год, а затем в повторах во сне и в грезах наяву на вершине заснеженной сопки, как кильватерным строем, а затем рассыпавшимся флангом, на полной курьерской скорости с трехметровыми бурунами за кормой собратья обреченных — советской постройки стальные торпедные катера, маневрируя, уклоняясь от условного ответного огня, подбегали к целям, выплевывали уже настоящие, боевые торпеды, затем резко, с критическим наклоном бортов, разворачивались и уходили прочь. Опять же от условного ответного огня. В это время от удачного попадания в высоченном водяном столбе разлетались в щепу фанерные ленд-лизовские «торпедники»... хотя бы со временем войны нам верно служившие. Бей своего, чтобы чужой боялся! Стоявшие поодаль, ближе и дальнему правому берегу Кольского залива, эсминцы и крейсер вели пушечный огонь. И... то ли это в самом деле имело место быть, а может и сон Николке приукрасил и расширил действия, но мнилось ему наяву, как в середине залива выскочили из водных недр две торпеды и пошли на цели — значит, подводные лодки задействованы.

В небе со стороны аэродрома дальней бомбардировочной морской авиации (потом

* Капитан первого ранга (флотск.)

** В описываемое время Полярный являлся главной базой подводников и катерников Северного флота.

получит имя Сафонова) показались и самолеты. Но для них акватория сражения явно маловата, то есть просто, не бомба, отрабатывали маневры захода на морские цели.

В считанные пару часов все завершилось. Спокойные в тот день, зеркально отсвечивающие воды залива, успокоившись от взрывов, покрылись тысячами мелких, не тонущих обломков.

Уже проживая последний год на маяке Большого Оленьего, готовясь с этого лета стать жителем Полярного, шестиклассник Николай в весенние каникулы с двустволкой-«кижевкой» шестнадцатого калибра прохаживался по берегу широкой, но мелководной, с выступающими камнями, островной бухты. Без особой охотниччьей цели бродил, ибо зимняя птица, те же гаги, уже улетела, а крупные береговые кулики еще не появились. Снег по берегам бухты пожелтел и прожух. Солнце явно намекало на близкую весну. Первыми это почуяли обитатели бухты: метр-полтора глубины по краям пропускали солнечные лучи до усыпанного ракушками и галькой дна. Вот и краб из своей норы выполз на свет... Надо сказать, что если на Черном море бычки свежего приготовления считаются почти что деликатесом, а на Дальнем Востоке японцы за большие деньги объедаются камчатским крабом, то на кольском Севере их ближайшие родичи (не японцев, но бычков и крабов) полагаются самыми презренными ничтожествами из водоплавающих. Если на крючок рыбака-удильщика попадет бычок, петух по-тамошнему, то летит с проклятьями обратно в воду. И северный краб потщедущее камчатского, промыслового значения не имеет, и никому даже в голову из живущих на островах и материковых берегах не придет мысль о съедобности этого ракообразного! Истинно, в каждом монастыре свой устав.

И этот предвесенний краб только потому уловил на себе взгляд серьезного шестиклассника Николая, что полз он по береговому дну не по песку и гальке, но по полуметровому неровному обломку доски, явно когда-то окрашенной и полаченной, а с другого конца различался прикрепленный овальный шильдик, говоря по-флотски, из непокрытого коррозией белого металла — что-то навроде тех инвентарных номеров, что шурупами приворачивают на боковые стенки казенной мебели. Как у них в школе и интернате. Заинтересованный Николай не поленился, вспугнув робкого краба, подручной палкой, выступавшей из подтаявшего у самой воды снега, подвести обломок доски к берегу, ухватить его и вытащить. Явно доска с боковыми пазами была от какого-то приборного кожуха. Оттерев же шильдик полой своего ватника, Николай действительно разобрал на нем номер и надпись: *U.S.Navy*. Усмехнулся рассудительно среднестарший школьник, вспомнив виденное много лет назад с северной оконечности Седловатого образцово-показательное потопление фанерных американских торпедных катеров: *вот он, последний отголосок ленд-лиза!**

❖❖❖

* Но вот что совершенно непонятно автору: по какой такой причине, спустя двадцать лет после окончания войны, в городе Полярном во всех продуктовых магазинах на полках стояли рядами двухлитровые жестяные банки с вкуснейшим конфитюром из айвы, причем на банке написано по-русски «Конфитюр из Айвы», то есть штата, а не фрукты-ягоды... Изготовлено в США.— Каково это в самый разгар «холодной» войны? — Может чисто торговая «составляющая» ленд-лиза еще действовала? Молчит история.